

Школьный опыт буллинга и актуальное благополучие у студентов

Бочавер А.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Представлены результаты изучения связи актуального благополучия у студентов с их опытом участия в буллинге в школьном возрасте. Материалы качественного и количественного анализа эмпирических данных получены на выборке 274 студентов московского вуза (средний возраст $M=19,2$, 20% мужчины). Использовались следующие методики: Шкала благополучия, Шкала аутентичности, Шкала депрессии, Шкала переживаний в близких отношениях, а также метод очного опроса, направленный на получение информации об опыте буллинга в школе. Полученные результаты показывают, что частота школьного буллинга и занимаемая в прошлом роль в этих ситуациях значимо связаны с актуальным уровнем депрессии и тревожности, избегания в близких отношениях. Также показано, что, по данным самоотчетов, за опытом буллинга в школе могут следовать отсроченные негативные последствия, проявляющиеся в сложностях в отношении к себе и отношениям с другими людьми, нарушениях физического и психического здоровья, а также сложностях с социальными достижениями. Сравнение опыта социализации в школе и вузе позволяет говорить о том, что есть разные траектории переживания своего благополучия внутри учебной организации: вуз может стать ресурсной средой после тяжелого школьного опыта, может восприниматься как более формальное пространство после сплоченного общения в школе, и школа, и вуз могут восприниматься как среды, сходные по доброжелательности или, наоборот, по враждебности.

Ключевые слова: школьный буллинг, последствия буллинга, благополучие, депрессия, аутентичность, качество близких отношений, школьники, студенты.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-013-00941.

Для цитаты: Бочавер А.А. Школьный опыт буллинга и актуальное благополучие у студентов // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 2. С. 17—27. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260202>

School Bullying Experience and Current Well-Being Among Students

Alexandra A. Bochaver

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

The article aims to research the relationships of the actual well-being of students with their experience of participating in bullying at school age. The materials of qualitative and quantitative analysis of empirical data obtained on a sample of 274 students of the Moscow university (average age $M=19.2$, 20% men) are presented. The methods used were the Scale of Well-being, the Scale of Authenticity, the Scale of Depression, the Scale of Experiences in Close Relationships, as well as several questions about the experience of bullying in school. The results show that the frequency of school bullying and the role, played in these situations in the past, are significantly associated with the current level of depression and anxiety and avoidance in close relationships. It is also shown that, according to self-reports, the experience of bullying in school can be followed by delayed negative consequences, manifested in difficulties in self-attitude and relationships with other people, physical and mental disorders, as well as problems with social achievements. A comparison of the experience of socialization in school and university shows that there are different trajectories of experiencing one's well-being within an educational organization: a university can become a resource environment after a difficult school experience; it can be perceived as a more formal space after close-knit communication in school; and a school and a university can be perceived as environments similar in friendliness or, conversely, in hostility.

Keywords: school bullying, consequences of bullying, well-being, depression, authenticity, quality of close relationships, schoolchildren, students.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-013-00941.

For citation: Bochaver A.A. School Bullying Experience and Current Well-Being Among Students. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2021. Vol. 26, no. 2, pp. 17—27. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260202> (In Russ.).

Введение

Вопрос о роли школьного буллинга во взрослой жизни не очень активно обсуждается в российском психолого-педагогическом пространстве, однако исследования указывают на то, что буллинг в детстве может способствовать нарушениям здоровья и сложностям с социализацией в дальнейшем [5]. У детей, имеющих опыт жертв или агрессивных жертв, выше риски тревожно-депрессивных расстройств, суицидального поведения [6] и психосоматических нарушений [4; 7]. Опыт жертвы школьной трав-

ли рассматривается как одна из предпосылок массовых школьных убийств [3]; во взрослом возрасте у этих детей ниже удовлетворенность жизнью и они чаще испытывают сложности в отношениях с друзьями и партнерами [12].

Систематически занимаемая роль агрессора может служить предпосылкой антисоциального расстройства личности, злоупотребления психоактивными веществами, тревожного и депрессивного расстройств в более взрослом возрасте [14]; является фактором риска для правонарушений [15]. Вырастая,

эти дети значимо чаще используют насилие в близких отношениях [12].

Среди детей, регулярно участвовавших в буллинге, выше риск зависимого, делинквентного и самоповреждающего поведения [12], низкой академической успеваемости [11].

Это только некоторые из зафиксированных в исследованиях отсроченных последствий травли [2]. Кроме того, очень немного известно о том, каковы эффекты для свидетелей, хотя есть основания предполагать, что могут развиваться выученная беспомощность, страх самовыражения, утрата инициативности и т.п.

Целью данного исследования было установление возможных связей между опытом буллинга в школе и последующим уровнем благополучия в период студенчества.

Были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. Чем чаще дети сталкиваются с ситуациями буллинга в школе, тем ниже их психологическое благополучие в юности.

2. Психологическое благополучие в юности связано с ролью, занимаемой в ситуациях буллинга в школе.

Таким образом, независимыми переменными выступили частота встреч с буллингом в школьное время и роль, занимаемая в этих ситуациях, а зависимыми — индикаторы психологического благополучия (общее благополучие, отсутствие/выраженность депрессивных симптомов, избегание и тревожность в близких отношениях, а также аутентичность личности, включающая показатели аутентичной жизни, отсутствие принятия внешних влияний и самоотчуждения).

В исследовании использовались Шкала психологического благополучия [10], Шкала аутентичности, включающая показатели *аутентичной жизни, самоотчуждения и принятия внешнего влияния* [8], Шкала депрессии [1], Шкала переживаний в близких отношениях, включающая показатели *тревожности и избегания в близких отношениях* [22], а также несколько вопросов об опыте буллинга в школе. Опрос проводился очно. Для анализа различий использовался ANOVA (программа Statistica 8); ответы на открытые вопросы анализировались посредством контент-анализа.

Выборку составили 274 студента бакалавриата разных направлений (средний воз-

раст 19,2 года, 56 из респондентов мужского пола) одного из московских вузов с высоким рейтингом, проживавшие в школьном возрасте в разных регионах России и стран СНГ.

Результаты

Частота встреч с ситуациями буллинга и занимаемые роли

Среди 274 респондентов 62% сообщили, что бывали свидетелями буллинга, 25% — жертвами, 4% — агрессорами (рис. 1). 11% участников сталкивались с буллингом ежедневно, 2% — еженедельно, 13% — раз в месяц (рис. 2).

Частота встреч с буллингом в школе и актуальное состояние

Несмотря на разную наполненность групп, распределение измеряемых показателей близко к нормальному, а показатель надежности используемых шкал альфа Кронбаха варьирует от 0,69 до 0,91. Анализ связей между актуальным состоянием студентов и частотой встреч с буллингом, а также занимаемыми ими ролями показал ряд значимых связей. В табл. 1 представлена описательная статистика полученных результатов по шкалам.

Обнаружены значимые различия по актуальному уровню тревожности в близких отношениях в зависимости от частоты встреч с буллингом в школе ($F(4, 269)=4,32$, $p=0,002$, табл. 2). Наименьший уровень — у встречавшихся ежедневно, наивысший — еженедельно.

Анализ связей между частотой встреч с буллингом и показателями благополучия, аутентичности, депрессии и избегания в близких отношениях не показал значимых различий.

Связи между занимаемой ролью в ситуациях буллинга и актуальным состоянием

Получены значимые различия в уровне избегания в близких отношениях на момент опроса у тех, кто занимал разные роли в ситуациях буллинга ($F(3, 270)=4.13$, $p=0.007$, табл. 3). Максимальные значения наблюдались у тех, кто сообщал об отсутствии встреч с травлей (что парадоксально подтверждает их стратегию избегания).

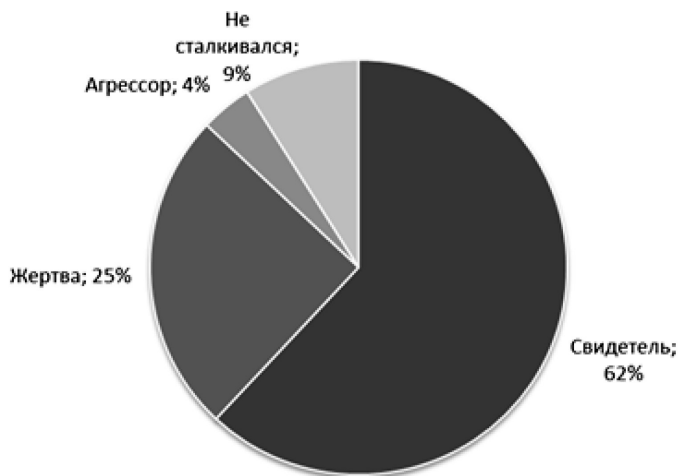

Рис. 1. Распределение ролей в ситуациях буллинга

Рис. 2. Частота встреч с буллингом в школьном возрасте

Таблица 1

Описательная статистика данных по шкалам (N=274)

Переменные	M	Min	Max	SD
Благополучие	48.15	20.00	67.00	8.70
Аутентичная жизнь	17.94	5.00	28.00	4.74
Принятие внешнего влияния	15.79	4.00	28.00	4.71
Самоотчуждение	13.91	4.00	27.00	5.82
Депрессия	42.65	20.00	75.00	11.47
Тревожность в близких отношениях	3.52	1.00	5.67	0.85
Избегание в близких отношениях	4.19	2.83	5.33	0.54

Таблица 2

Уровень тревожности в близких отношениях в зависимости от частоты встреч с буллингом

Частота	M	Std. Err.	-95.00%	+95.00%	N
1	3.32	0.15	3.02	3.62	30
2	3.86	0.10	3.65	4.08	59
3	3.67	0.14	3.39	3.94	36
4	3.48	0.13	3.23	3.74	41
5	3.36	0.08	3.20	3.51	108

Примечание. Частота: 1 — каждый день, 2 — каждую неделю, 3 — раз в месяц, 4 — раз в четверть, 5 — раз в год или реже.

Таблица 3

Связи между занимаемой ролью в ситуациях буллинга в школе и уровнем избегания в близких отношениях

Роль	M	Std. Err.	-95.00%	+95.00%	N
1	4.13	0.04	4.04	4.20	170
2	4.30	0.06	4.18	4.43	69
3	4.03	0.17	3.71	4.36	10
4	4.44	0.11	4.23	4.65	25

Примечание. 1 — свидетели, 2 — жертвы, 3 — агрессоры, 4 — нет такого опыта.

Также в зависимости от занимаемой роли значимо различается уровень депрессии ($F(3, 170)=2.82, p=0.039$, табл. 4), максимальные значения демонстрируют те, кто имеет опыт жертв.

Не выявлено связей между ролью и уровнем благополучия, аутентичности и тревожности в близких отношениях.

Последствия буллинга

Значительная доля респондентов считает, что сталкивается с последствиями прошлых ситуаций школьного буллинга в настоящем (рис. 3).

Отношение к себе. Перечислялись эффекты от неуверенности в себе до стыда, ви-

ны и удивления за свое прошлое поведение: «*Пытаюсь понять, откуда тогда во мне возникло желание кого-либо травить*»; «*Да, иногда думаю о том, что могла как-то вмешаться, а не сидеть молча*»; «*Все еще есть чувство страха, что люди могут отвернуться и настроиться против меня*» и т.п.

Отношения с другими людьми. Называются утрата доверия к людям, противостояние злоупотреблениям и насилию, например: «*Я стараюсь вычислять потенциальных агрессоров и обходить их стороной*»; «*Стараюсь заступаться за слабых и беззащитных*»; «*После того, как мне объяснили, что в (буллинге) — ничего плохого, я начала менять свое*

Таблица 4

Связи между занимаемой ролью в ситуациях буллинга и уровнем депрессии

Роль	M	Std. Err.	-95.00%	+95.00%	N
1	42.14	0.87	40.43	43.86	170
2	45.65	1.37	42.96	48.34	69
3	39.60	3.59	32.53	46.67	10
4	39.00	2.27	34.53	43.47	25

Примечание. 1 — свидетели, 2 — жертвы, 3 — агрессоры, 4 — нет такого опыта.

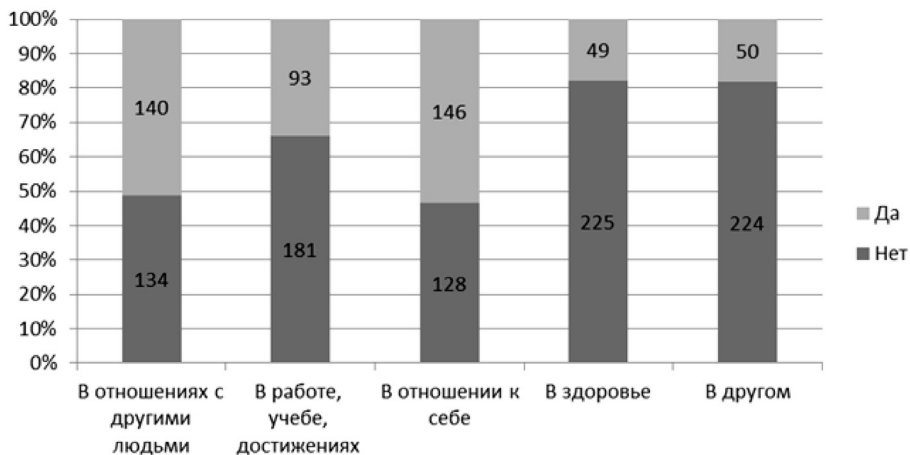

Рис. 3. Субъективная оценка респондентами наличия/отсутствия последствий буллинга для разных сфер жизни

отношение по данному вопросу и до сих пор выступаю против эйблизма».

Учеба, работа и достижения. Описывается страх осуждения, например: «Часто мне кажется, что на мою работу смотрят критично, мне бывает трудно работать в аудитории»; «Редко рассказываю о своих достижениях и только доверенным людям. Чувствую, что люди могут осуждать меня за то, что говорю о личных успехах».

Здоровье. Встречаются свидетельства заболеваний и негативных состояний, например: «Неврозы и не покидающая тревожность»; «Не могу принять и полюбить свое тело»; «Я ем много сладкого и не могу с этим ничего поделать».

Другое. В основном речь идет также о последствиях для межличностных отношений: «Тяжело общаться с людьми, которые проявляют ко мне интерес или симпатию, так как боюсь, что надо мной будут смеяться».

Факторы динамики травли

Способствуют буллингу, по мнению респондентов, отсутствие заинтересованности педагогов (учителя не были достаточно вовлечены в жизнь учащихся); конкурентность и неравенство в школьной среде (соревновательная среда обучения; дети не принимают тех, кто как-либо отличается от них).

Помогают прекратить буллинг, по ответам участников, активная позиция учителей и администрации (учителя старались пресекать любые попытки буллинга; формирование дружеской атмосферы внутри класса; санкции в виде выговоров и отчисления; поддержание руководством школы связи с родителями детей) и просоциальное поведение, отсутствие поддержки буллинга (игнорирование окружающими того человека, который затевал травлю; временное исключение его из круга общения; поддержка школьниками ребят, которые подвергались травле).

Сравнение атмосферы в школьном классе и в группе в вузе

Обнаружены четыре паттерна (рис. 4):

1. школьная среда была агрессивной, в вузе климат доброжелательнее (В школе я почти всегда была на периферии, меня не замечали, я была лишней. В вузе я общаюсь с большим количеством людей, (...) тут мне стало легко знакомиться первой, находиться в приподнятом настроении);

2. школа была благополучнее, в вузе отношения более формальные и конкурентные (Отношения между одноклассниками были более теплыми, дружественными. В вузе все между собой конкурируют, все слишком

разные и настоящих друзей найти очень трудно);

3. школьный класс и группа похожи по отчужденности и агрессивности (*В школе у нас был класс, где девочки были словно змеи, сейчас в группе в вузе — то же самое*);

4. класс и группа похожи по доброжелательности (*Сейчас я чувствую себя так же,*

как это было в школе, абсолютно комфортно, приятная атмосфера).

У студентов, которые положительно оценили свою школьную жизнь, значительно выше показатели аутентичной жизни ($F(3, 258)=4.31, p=0.006$, рис. 5) и на уровне тенденции ниже самоотчуждение ($F(3, 258)=2.44, p=0.065$) и депрессия ($F(3, 258)=2.48, p=0.06$) (табл. 5).

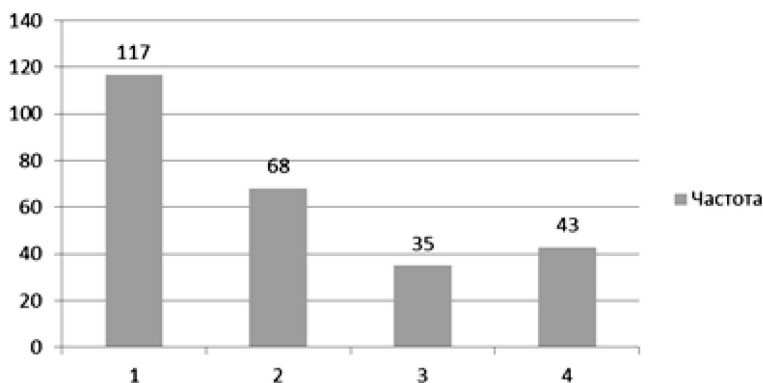

Рис. 4. Распределение результатов сравнения атмосферы в школе и вузе: 1 — вуз комфортнее школы, 2 — школа комфортнее вуза, 3 — в школе и вузе одинаково некомфортно, 4 — в школе и вузе одинаково комфортно

Таблица 5

Связи между результатами сравнения атмосферы в школе и вузе и уровнем аутентичной жизни, самоотчуждения и депрессии

Результат сравнения атмосферы в школе и вузе	M	Std. Err.	-95.00%	+95.00%	N
Аутентичная жизнь					
1	17.64	0.42	16.81	18.48	115
2	18.85	0.55	17.77	19.94	68
3	15.97	0.76	14.48	17.46	36
4	19.11	0.69	17.75	20.48	43
Самоотчуждение					
1	14.73	0.54	13.68	15.79	115
2	12.47	0.70	11.10	13.84	68
3	14.42	0.96	12.53	16.30	36
4	13.33	0.88	11.60	15.05	43
Депрессия					
1	44.31	1.06	42.22	46.41	115
2	41.99	1.38	39.26	44.71	68
3	43.36	1.90	39.62	47.10	36
4	38.91	1.74	35.48	42.33	43

Примечание. 1 — вуз комфортнее школы, 2 — школа комфортнее вуза, 3 — в школе и вузе одинаково некомфортно, 4 — в школе и вузе одинаково комфортно.

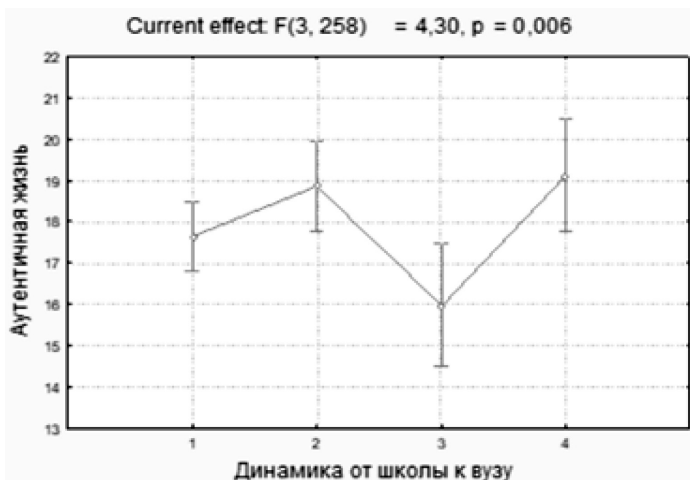

Рис. 5. Уровень аутентичной жизни и результат сравнения атмосферы в школе и вузе:

- 1 — вуз комфортнее школы, 2 — школа комфортнее вуза, 3 — в школе и вузе одинаково некомфортно, 4 — в школе и вузе одинаково комфортно

Обсуждение

В целом полученные результаты подтверждают актуальность проблемы буллинга в России [13]: по нашим данным, каждый третий подросток сталкивался в той или иной роли с буллингом чаще, чем раз в месяц.

Проведенный анализ позволил составить представление об отсроченных последствиях участия в школьном буллинге для молодых взрослых. Обе поставленные гипотезы подтвердились отчасти: частота встреч с буллингом связана с уровнем тревожности в близких отношениях; занимаемая роль связана с уровнем избегания в близких отношениях и депрессии; не обнаружено связей частоты и роли с благополучием и аутентичностью. Ограничением является тот факт, что распределение по ролям в ситуациях буллинга является неравномерным, по данным самоотчета, агрессоры от общей выборки составляют всего 4%, поэтому выявленная в данном исследовании связь между ролью агрессора и актуальным состоянием не может считаться надежной.

Самый низкий уровень тревожности в близких отношениях у тех, кто каждый день сталкивался с ситуациями травли, может объ-

ясняться механизмом десенсибилизации — привыкания к хроническому стрессу, приводящего к потере чувствительности и компенсационному снижению тревожности. Для тех, кто каждую неделю встречался с ситуациями травли, возможно, неопределенность в отношениях в сочетании с высокой вероятностью буллинга могла способствовать выработке привычного недоверия к людям, которое заставляет постоянно отслеживать, что происходит в текущий момент в отношениях, поскольку ситуация всегда расценивается как неопределенная. Наиболее сензитивным к участию в буллинге оказывается качество близких отношений. Однако показатель благополучия не показал значимых связей ни с одной из переменных, вопреки поставленным гипотезам, что указывает на необходимость дальнейших исследований.

Текстовые описания студентами воспринимаемых последствий участия в ситуациях буллинга позволяют выявить четыре основных сферы влияния: отношение к себе; отношения с другими; физическое и психическое здоровье; социальные достижения. Хотелось бы отметить, что среди ответов не встречалось подтверждений существующим стерео-

типам о травле — что она учит защищать себя, закаляет человека и делает его храбрым, позволяет приобрести коммуникативные навыки, облегчающие общение. Однажды упоминались занятия спортом, позволившие чувствовать себя респонденту в большей физической безопасности; отдельные случаи повышения уверенности в себе и выстраивания собственной благополучной траектории описаны как осуществленные вопреки, а не благодаря позиции жертвы в ситуациях травли («*Отношение к жизни в целом очень меняется, когда ты, наперекор другим людям, начинаешь себя ценить, как ни крути*»). Таким образом, ответы демонстрируют отсроченный негативный вклад буллинга в жизнь участников и скорее подтверждают идею о том, что буллинг наносит вред всем участникам, включая свидетелей и тех, кто занимал позицию автора насилия, а не является развивающей коммуникативной ситуацией.

В описаниях факторов, по мнению участников, влиявших на усиление или прекращение буллинга в классе, наиболее весомую роль играют пассивная/активная роль педагогов и администрации и общая отчужденно-агрессивная либо просоциальная атмосфера в школе.

Сравнение последовательного опыта социализации в школе и вузе показывает, что траектории переживания своего благополучия внутри учебной организации могут различаться: вуз может стать для студента ресурсной средой после тяжелого школьного опыта,

а может восприниматься как более формальное и холодное пространство после сплоченного общения в школе; может оцениваться как сходная со школьной комфортная социальная среда или как аналогичная школьной небезопасная среда, провоцирующая одиночество и переживание отвержения. Результаты указывают на то, что неблагополучный школьный опыт «догоняет» выросших школьников в студенчестве — те, кто характеризуют школьную атмосферу негативно, демонстрируют более низкий уровень аутентичной жизни и в тенденции более высокий уровень самоотчуждения и депрессии.

Заключение

Итак, количественный и качественный анализ ответов студентов показывает, что опыт травли в школе не проходит бесследно. Опыт столкновений со школьным буллингом в детстве играет роль в том, как в дальнейшем выстраиваются отношения молодых взрослых с самими собой, с другими людьми, он оказывает влияние на физическое и психическое здоровье и социальные достижения. Наиболее чувствительной сферой, судя по полученным данным, оказывается качество близких отношений. Полученные результаты вносят вклад в понимание буллинга как значимого опыта, характерного для школьного возраста, но оказывающего отдаленные эффекты на здоровье и социализацию молодых взрослых, и ставят новые вопросы о роли школьного опыта в дальнейшей жизни взрослых.

Литература

1. Андрющенко А.В., Дробижев М.Ю., Добровольский А.В. Сравнительная оценка шкал CES-D, BDI и HADS (d) в диагностике депрессий в общемедицинской практике // Журнал неврологии и психиатрии. 2003. Том 5. С. 11—18.
2. Боцавер А.А. Последствия школьной травли для ее участников // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021, принята в печать.
3. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4(32). С. 62—76. DOI:10.11621/npj.2018.0406
4. Тарасова С.Ю., Осницкий А.К., Ениколопов С.Н. Социально-психологические аспекты буллинга:

- взаимосвязь агрессивности и школьной тревожности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 4. С. 102—116. DOI:10.17759/psyedu.2016080411 (дата обращения: 15.02.2021).
5. Arseneault L., Bowes L., Shakoor S. Bullying victimization in youths and mental health problems: "Much ado about nothing"? // Psychological Medicine. 2010. Vol. 40. P. 717—729. DOI:10.1017/S0033291709991383
6. Copeland W.E. et al. Adult psychiatric outcomes of bullying and being bullied by peers in childhood and adolescence // JAMA Psychiatry. 2013. Vol. 70(4). P. 419—426. DOI:10.1001/jamapsychiatry.2013.504
7. Lohre A. et al. Peer victimization as reported by children, teachers, and parents in relation to children's

- health symptoms // *BMC Public Health*. 2011. Vol.11(278). DOI:10.1186/1471-2458-11-278
8. *Nartova-Bochaver S., Reznichenko S.I., Maltby J.* The Authenticity Scale: Validation in Russian culture // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 11. № JAN. P. 609—617.
9. OECD. PISA 2018 Results (Volume III). What School Life Means for Students' Lives. Chapter 2. Bullying [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/cd52fb72-en/index.html?itemId=/content/component/cd52fb72-en> (дата обращения: 12.10.2020).
10. *Robinson O.C., Lopez F.G., Ramos K., Nartova-Bochaver S.* Authenticity, social context, and well-being in the United States, England, and Russia: A three country comparative analysis // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. № 5. P. 719—737.
11. *Rothon C. et al.* Can social support protect bullied adolescents from adverse outcomes? A prospective study on the effects of bullying on the educational achievement and mental health of adolescents at secondary schools in East London // *Journal of Adolescence*. 2011. Vol. 34(3). P. 579—588. DOI:10.1016/j.adolescence.2010.02.007
12. *Sigurdson J.F., Wallander J., Sund A.M.* Is involvement in school bullying associated with general health and psychosocial adjustment outcomes in adulthood? // *Child Abuse & Neglect*. 2014. Vol. 38(10). P. 1607—1617. DOI:10.1016/j.chiabu.2014.06.001
13. *Sourander A. et al.* Childhood bullies and victims and their risk of criminality in late adolescence: the Finnish From a Boy to a Man Study // *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*. 2007. Vol. 161. P. 546—552. DOI:10.1001/archpedi.161.6.546
14. *Sourander A. et al.* Childhood bullying behavior and later psychiatric hospital and psychopharmacologic treatment: Findings from the Finnish 1981 Birth Cohort Study // *Archives of General Psychiatry*. 2009. Vol. 66(9). P. 1005—1012. DOI:10.1001/archgenpsychiatry.2009.122
15. *Ttofi M.M. et al.* The predictive efficiency of school bullying versus later offending: A systematic/meta-analytic review of longitudinal studies // *Criminal Behavior and Mental Health*. 2011. Vol. 21. P. 80—89. DOI:10.1002/cbm.808
16. *Wei M. et al.* The Experiences in Close Relationship Scale (ECR)-short form: Reliability, validity, and factor structure // *Journal of Personality Assessment*. 2007. Vol. 88(2). P. 187—204. DOI:10.1080/00223890701268041

References

1. *Andrjushhenko A.V., Drobizhev M.Ju., Dobrovol'skij A.V.* Sravnitel'naja ocenka shkal CES-D, BDI i HADS (d) v diagnostike depressij v obshhemedicinskoj praktike [Comparative assessment of CES-D, BDI and HADS (d) scales in the diagnosis of depression in general medical practice]. *Zhurnal neurologii i psikiatrii = Journal of Neurology and Psychiatry*, 2003. Vol. 5, pp. 11—18. (In Russ.)
2. *Bochaver A.A.* Posledstviya shkol'noj travli dlja ee uchastnikov [The consequences of school bullying for its participants]. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021. Vol. 1, accepted for publication. (In Russ.)
3. *Davydov D.G., Khilomov K.D.* Massovye ubijstva v obrazovatel'nyh uchrezhdenijah: mehanizmy, prichiny, profilaktika [Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal = National Psychological Journal*, 2018. Vol. 4(32), pp. 62—76. DOI:10.11621/npj.2018.0406 (In Russ.)
4. *Tarasova S.Ju., Osnickij A.K., Enikolopov S.N.* Social'no-psihologicheskie aspekty bullinga: vzaimosvjaz' aggressivnosti i shkol'noj trevozhnosti [Socio-psychological aspects of bullying: the relationship of aggressiveness and school anxiety] [Elektronnyj resurs]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. = Psychological science and education psyedu.ru*, 2016. Vol. 8, no 4, pp. 102—116. Available at: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2016/n4/tarasova.shtml (Accessed 15.03.2021). (In Russ.)
5. *Arseneault L., Bowes L., Shakoor S.* Bullying victimization in youths and mental health problems: "Much ado about nothing"? *Psychological Medicine*, 2010. Vol. 40, pp. 717—729. DOI:10.1017/S0033291709991383
6. *Copeland W.E. et al.* Adult psychiatric outcomes of bullying and being bullied by peers in childhood and adolescence. *JAMA Psychiatry*, 2013. Vol. 70(4), pp. 419—426. DOI:10.1001/jamapsychiatry.2013.504
7. *Lohre A. et al.* Peer victimization as reported by children, teachers, and parents in relation to children's health symptoms. *BMC Public Health*, 2011. Vol. 11(278). DOI:10.1186/1471-2458-11-278
8. *Nartova-Bochaver S., Reznichenko S.I., Maltby J.* The Authenticity Scale: Validation in Russian culture. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 11, no. JAN, pp. 609—617.
9. OECD. PISA 2018 Results (Volume III). What School Life Means for Students' Lives. Chapter 2. Bullying. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/cd52fb72-en/index.html?itemId=/content/component/cd52fb72-en> (Accessed 12.10.2020).
10. *Robinson O.C., Lopez F.G., Ramos K., Nartova-Bochaver S.* Authenticity, social context, and well-being in the United States, England, and Russia: A three country comparative analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. Vol. 44, no. 5, pp. 719—737.
11. *Rothon C. et al.* Can social support protect bullied adolescents from adverse outcomes? A prospective study on the effects of bullying on the educational achievement and mental health of adolescents

at secondary schools in East London. *Journal of Adolescence*, 2011. Vol. 34(3), pp. 579—588. DOI:10.1016/j.adolescence.2010.02.007

12. Sigurdson J.F., Wallander J., Sund A.M. Is involvement in school bullying associated with general health and psychosocial adjustment outcomes in adulthood? *Child Abuse & Neglect*, 2014. Vol. 38(10), pp. 1607—1617. DOI:10.1016/j.chiabu.2014.06.001

13. Sourander A. et al. Childhood bullies and victims and their risk of criminality in late adolescence: the Finnish From a Boy to a Man Study. *Archives of Pediatrics & Adolescent Medicine*, 2007. Vol. 161, pp. 546—552. DOI:10.1001/archpedi.161.6.546

14. Sourander A. et al. Childhood bullying behavior and later psychiatric hospital and psychopharmacologic

treatment: Findings from the Finnish 1981 Birth Cohort Study. *Archives of General Psychiatry*, 2009. Vol. 66(9), pp. 1005—1012. DOI:10.1001/archgenpsychiatry.2009.122

15. Ttofi M.M. et al. The predictive efficiency of school bullying versus later offending: A systematic/meta-analytic review of longitudinal studies. *Criminal Behavior and Mental Health*, 2011. Vol. 21, pp. 80—89. DOI:10.1002/cbm.808

16. Wei M. et al. The Experiences in Close Relationship Scale (ECR)-short form: Reliability, validity, and factor structure. *Journal of Personality Assessment*, 2007. Vol. 88(2), pp. 187—204. DOI:10.1080/00223890701268041

Информация об авторах

Бочавер Александра Алексеевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра исследований современного детства, Институт образования ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Information about the authors

Alexandra A. Bochaver, PhD in Psychology, Researcher, Center for Modern Childhood Studies, Institute of Education National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Получена 16.03.2021

Принята в печать 22.04.2021

Received 16.03.2021

Accepted 22.04.2021